

В.Г. Федотова

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Валентина Федотова

Модернизация и культура

«Прогресс-Традиция»

2015

УДК 360
ББК 60.5

Федотова В. Г.

Модернизация и культура / В. Г. Федотова — «Прогресс-Традиция», 2015

В книге рассматриваются три исторически неодновременных пути модернизации – модернизация Запада, догоняющая Запад модернизация незападных стран и начавшийся в XXI веке новый процесс национальных модернизаций, опирающихся на собственные культуры различных стран. В центре внимания – модернизация российского общества сегодня, особенности которой – переход от прежде избранного пути догоняющей Запад модернизации к национальной модернизации, где собственная культура страны имеет значение. Изменение модернизационной стратегии произошло в связи с появлением глобализации, ставшей мегатрендом и переведшей прежний мегатренд модернизации на локальный уровень. Из-за влияния культур, которые отличаются между собой, сегодня в мире имеется множественная модернизация. Автор рассматривает российскую модернизацию в контексте российской культуры и обсуждает специфику модернизации различных сфер общества – экономическую, политическую и др., раскрывая практическое значение концепции национальной модернизации. Автор показывает, что модернизация означает стремление не к совершенному, но к современному обществу. Но сегодняшняя ситуация проблематизирует понятие модерна (современности).

УДК 360
ББК 60.5

© Федотова В. Г., 2015
© Прогресс-Традиция, 2015

Содержание

Предисловие	7
Введение	17
Глава I	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валентина Гавриловна Федотова

Модернизация и культура

Модернизация не имеет цели формирования совершенного общества. Ее цель – формирование общества современного.
В.Г. Федотова

© Федотова В.Г., 2015

© Ваншенкина Г.К., оформление, 2015

© Прогресс-Традиция, 2015

* * *

Предисловие

Совершенное общество и современное общество

В российской культуре идея совершенного общества занимает огромное место. Почти всякий проект, представляемый на обсуждение, обещает совершенство и бескомпромиссность в борьбе за него. Поэтому социализм, капитализм, демократия предстают как бескомпромиссные идеалы, не признающие поправки практикой в глазах их адептов. Модернизацию постигла сходная участь. В повседневном значении это слово характеризует изменения, улучшения. В практическом плане – это мягкое движение к позитивным изменениям. В теоретическом плане не отрицается способность модернизации к изменениям и улучшениям. Но не это интересует теории модернизации, а концептуально определенные пути развития – прежде всего движение общества не к совершенному, а к современному состоянию. Модернизационные теории сегодня исходят из признания отличия традиционных (воспроизводящих себя на основе традиции) и современных (инновационно развивающихся) обществ. Но сказать только это было бы недостаточно, поскольку модернизация создает эпоху современности – Новое время, – которое делится на ряд этапов, определяющих инновационную динамику обществ, – первую, вторую и третью современность, о которых речь пойдет ниже.

Существенную роль для модернизации имеют различия западного и незападного регионов мира, ибо Запад вступил в модернизацию много раньше остального человечества, раньше России. Поэтому в предисловии мы попытаемся раскрыть различия незападного мира, включающего и Россию, и западный мир через дилемму «совершенство – современность».

Длительное время идея совершенного общества доминировала в социальной философии, представляя собой альтернативу существующим обществам и мысленные образцы совершенного общества.

Социальная инженерия

К. Поппер был, пожалуй, первым европейским философом, кто обратил особое внимание на социальные технологии как специальный предмет философско-методологических исследований. Работа К. Поппера «Открытое общество и его враги», давно ставшая классикой на Западе, была издана в России только в 1992 году, несмотря на то, что Поппер работал над ней с 1938 по 1943 год и опубликовал ее в Англии в 1945 году.

Дж. Броновский характеризует интеллектуальную обстановку в Европе, которая складывалась в 30-х годах, времени работы Поппером над этим трудом¹. Сегодня трудно поверить в то, что описывает Броновский, но согласно его свидетельству, в континентальной Европе того времени насилие процветало, частные армии вели снайперскую стрельбу на улицах английских городов, и все напыщенные фразы о личной свободе и гуманистических ценностях с каждым днем становились все более нереальными. В этой ситуации, как показывает Броновский, молодое поколение испытывало потребность в философии, которая могла бы прояснить выбор между добром и злом. Но распространенный в этот период позитивизм из-за своей безличности был для нее мало привлекательным, и даже более того – для большинства молодежи он представлялся бесчеловечным. Броновский пишет: «Мы хотели, чтобы философы занимались миром живых, и нас шокировало, что мы не могли дожидаться ни одного знака от философов науки: ни одного сигнала, что философия и наука могут сказать о человеке больше, чем может

---

¹ См.: *Броновский Дж.* Гуманизм и рост знания // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Общ. ред.: В.Н. Садовского. – М., 2000. С. 52–56.

сказать о нем один рациональный интеллект»². В этой ситуации многие обратились к марксистской философии, поскольку именно эта философия вдохновляла грандиозный социальный эксперимент в России, который многим левым западным интеллектуалам того времени казался успешным.

Для России 1992 год – год издания книги Поппера, был временем серьезных социальных перемен, и пафос работы Поппера, направленный на критику всех форм недемократического правления и связанного с этим насилия над личностью, совпал у определенной части общества с идеями низвержения СССР как символа общества такого рода. Книга Поппера действительно написана в защиту гуманизма и свободы человека, в ней теоретически обосновано неприятие любых насильственных методов в социальной практике. В ней отстаивается право на *творческое, критическое* мышление и открытость для критики всех сторон политической, экономической и социальной жизни.

Вместе с тем, основная идея работы Поппера осталась в России незамеченной и невостребованной. Поппер обосновывал, что следует всячески избегать любых *радикальных методов* изменения сложившейся социальной системы, особенно в форме идеи ее переустройства в целом, осуществляемого в поисках *совершенного общества*, считая, что допустимы лишь *методы постепенных* социальных преобразований и улучшений. Запад и незападный мир резко отличаются в восприятии указанной антиномии постепенного и совершенного. Радикализм наших реформ никак не уступал место взвешенным принципам демократического переустройства или «социальной инженерии частных решений», ибо реформы воспринимались как ведущие к совершенному обществу в восприятии элиты, осуществлявшей их. Работа Поппера была в значительной мере интеллектуальным вызовом социальным экспериментам в Европе и в России, в том числе, будучи опубликована в России, вызовом тем процессам, которые происходят у нас после краха коммунизма.

Социальным контекстом работы Поппера стали тоталитаризм в Германии и недемократичные практики государств, которые были широко представлены не только в незападном мире, но и на Западе. Западный мир в период написания его труда находился под мощным интеллектуальным и идейным воздействием невиданного прежде социального эксперимента, проводимого в Советской России. Такой широкомасштабный социальный эксперимент впервые имел место в истории. Западные демократии представляли собой образцы обществ, сложившихся в ходе естественно-исторического процесса, который растянулся на сотни лет. Но XX век явил миру возможность значительных социальных экспериментов по построению «рукотворных» обществ «нового типа». Два основных подхода к построению совершенного общества – марксизм и неолиберализм российской элиты, использующий его как *новую версию совершенного общества* в противоположность марксизму, но с сохранением революционаризма его российской версии в лозунге 1990-х «Иного не дано!» Идейной основой социальных экспериментов были также и новые научные идеи, революционные утопии, художественные предвидения и новые направления в искусстве. Исключительно важную роль играли социально-философские концепции, в частности идеи К. Маркса и исторический материализм, неолиберализм как его альтернатива и антипод.

Свою работу «Открытое общество и его враги» К. Поппер направил против перехода к «обществам нового типа» путем революций и посредством социальных экспериментов как теоретически оправданного метода социальных преобразований. Он – рационалист и сторонник критических, но не революционных методов. Он – за изменения, более того, за необходимость *постоянных социальных изменений*, но все дело в выборе методов. В своей работе он предложил развернутый анализ «принципов демократического переустройства общества – принципов, которые я называю “социальной инженерией частичных решений” или, что то же самое,

---

² Там же. С. 55.

“технологией постепенных социальных преобразований” в противовес “утопической социальной инженерии...”³. Поппер был противником «историцизма», суть которого «состоит в том, чтобы обеспечивать нас долгосрочными историческими предсказаниями. Они (сторонники предсказаний. – *Авт.*) настаивают на том, что уже открыли законы истории. Множество социально-философских учений, придерживающихся подобных воззрений, я обозначил термином *историцизм*»⁴. Задача теоретических общественных наук, по мнению Поппера, не в том, чтобы предсказывать будущее, относительно далекое по времени состояние общества, но в том, чтобы анализировать *непреднамеренные последствия общественных действий, которые происходят постоянно*. Историцизм же, напротив, наделяет теоретическое знание предсказательной силой в отношении будущих событий-состояний. *Поппер первым поднял вопрос о «социальной инженерии» и о «социальных технологиях» на уровень проблемы научного познания и философии морали, связав их решение с проблемой природы научной истины, сущностью свободы человека в век торжества науки и научной рациональности.*

Критика утопических концепций совершенного общества

Свой развернутый ответ на вопрос о методах переустройства общества Поппер представил не только в работе «Открытое общество и его враги», но и частично в более ранней работе «Нищета историцизма»⁵. Свой метод он противопоставляет «утопическому подходу» или «утопической инженерии», смысл которых, согласно Попперу, состоит в предшествовании конкретным целям общего идеального политического проекта общества.

Важным моментом любой реформы обычно является «уточнение политических планов и намерений», т. е. целей, в том числе и политических целей, а затем осуществляется управление как нахождение способов их осуществления. Поппер же считает утопичным исходить из конечной цели и идеального проекта общества и только после этого начинать «анализ наилучших способов и средств воплощения этого проекта ... наметить план практических действий. Все это – необходимые предварительные условия особой (утопической, по мнению Поппера. – *Авт.*) рациональной политики и особенно социальной инженерии. Вот что в общих чертах представляет собой методологический подход, который я называю утопической инженерией»⁶. Согласно Попперу, утопический подход предполагает наличие своеобразного «чертежа-замысла» или хотя бы «эскиза» идеального, совершенного общества в целом, некую его общую модель. Откуда может появиться идеальный проект? Сразу возникает предположение, что он может стать результатом разработок и проекций, основанных на научно обоснованных моделях. Но не только наука может дать такой проект. Критика Поппера по большому счету направлена на такие проекты будущего, которые он называет «пророчествами», в основе которых лежат достаточно общие воззрения философского или социально-философского плана. Он подробно останавливается на учении Платона, Маркса и марксистском подходе к объяснению исторических событий. На примере их критики он пытается проложить границу между научностью и ненаучностью в вопросах социальной практики. Усилия Поппера были направлены на то, чтобы обосновать методологически конкретные технологии переустройства и усовершенствования обществ, всегда востребованные, но разные во все времена, а в рассматриваемое им время как такие, которые допускают и поддерживают гуманизм и свободу личности. Общество представляется ему подобным социальному организму, форма существования которого есть процесс непрерывной адаптации к внутренним и внешним изменениям. Поэтому

---

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона., М., 1992. С. 30.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

⁶ Поппер К. Открытое общество... Т. 1. С. 199–200.

Поппер выступает за непрерывное переустройство общественной жизни, но *он против идеи осуществления любого варианта идеального, совершенного общества, какой бы смысл ни вкладывался в это понятие – научный, этический или эстетический. Его разум против самой идеи «совершенства» как цели политического или социального действия.*

С нашей точки зрения, когда общество имеет идею, воспринимаемую как цель своего будущего, оно может знать, куда направить свои технологии. И эта цель не обязательно утопическая, если даже считать, что у Маркса она была таковой. Маркс – философ, строивший планы принципиально другого, нового общества, а Поппер хотел бы лишь немного улучшить существующее западное общество. И его улучшения направлены на то, чтобы сделать общество более современным, лучшим, но не совершенным, как это присуще логике преобразований в незападных странах.

Одна из причин неприятия «утопического подхода» Поппером состоит в том, что для реализации идеального, совершенного общества обычно требуется сильная централизованная власть или авторитарное правление.

Свою идею переустройства общества Поппер называет «постепенной, последовательной или поэтапной инженерией». Он пишет: «Этот подход мне представляется методологически безупречным. Применяющий его политик может как иметь, так и не иметь перед своим мысленным взором план общества, он может надеяться, а может и нет, что человечество однажды воплотит в жизнь идеальное общество и достигнет на земле счастья и совершенства. Однако он будет осознавать, что если человечество и способно достичь совершенства, то это произойдет еще очень не скоро... Поэтому приверженец поэтапной инженерии будет разрабатывать методы поиска наиболее тяжелых, нестерпимых социальных бед, чтобы бороться с ними, а не искать величайшее конечное благо, стремясь воплотить его в жизнь»⁷. Принципиальное различие между «утопическим подходом» и «методом поэтапной инженерии» состоит в том, как оценивается состояние общества, которое инженерно перестраивается. Метод поэтапной инженерии исходит из предположения, что достигнутое состояние в целом неплохое, но улучшить его всегда желательно, особенно если удастся обнаружить «наиболее тяжелые, нестерпимые социальные беды, чтобы бороться с ними»⁸. Разве можно оспорить, что люди станут чуть более счастливыми, а государство чуть более привлекательным, если тяжелые и нестерпимые беды окажутся предметом пристального внимания со стороны многих членов общества и постепенно исчезнут после целенаправленных поэтапных изменений?! В противоположность этому, по мнению Поппера, «утопический подход» исходит из идеи, что по каким-то причинам или в результате исторически сложившихся обстоятельств открывается возможность искать величайшее конечное благо, совершенство, стремясь воплотить его в жизнь. Западному обществу, в особенности британскому, попперовская социальная технология вполне адекватна. Но это потому, что на заре перехода к современности Запад уже сформулировал «большие идеи» инноваций, модернизации, свободы, равенства и братства, а не-Запад жил в системе традиционных ценностей, различных в разных культурах, но нигде не содержащих этих новых идей.

Другое различие между *утопическим подходом* и *методом поэтапной инженерии*, по мнению Поппера, состоит в том, что утопический подход направлен на проекты, которые имеют глобальный характер и относятся к широкомасштабной социальной инженерии. «Напротив, проекты, предлагаемые поэтапной инженерией, относительно просты. Эти проекты затрагивают, как правило, какое-либо одно социальное учреждение – например, здравоохранение, обеспечение занятости... или систему образования»⁹. Это допускает частичность и поэтапность модернизационных действий тогда, когда современность уже достигнута, име-

---

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 201.

ется ответственный индивид и базовые принципы устоялись. Но в незападных обществах такие улучшения не могут быть оторваны от еще не сформированных «больших идей», особенно в условиях отказа от тех, которые были приняты прежде, без того, чтобы модернизационные изменения не только производили частичные преобразования, но и давали представление о горизонтах. Это представление формируется не столько наукой, сколько философией, публичным социальным знанием, функционирующими в публичном социальном пространстве и укореняющимися в публичном пространстве.

Важной особенностью подхода Поппера к изучению социальных трансформаций является то, что он опирается на методологию науки, а именно на установку, суть которой в том, что теоретическое знание не позволяет нам делать предсказания относительно будущего положения вещей. На наш взгляд, позволяет, становясь публичным социальным знанием, ориентированным на социальное конструирование реальности. Согласно Попперу, поскольку потенциально каждая теория имеет бесконечное количество следствий, нельзя сказать, какое из них реализуется в действительности: «методологически оправданна» может быть лишь критика выдвигаемых предположений или гипотез, а затем их последующее исключение и выдвижение новых гипотез и т. д.

Задача «пошаговой инженерии» Поппера направлена на то, чтобы приблизить людей к состоянию более полной *свободы и счастья*. Но счастье и свободу, по его мнению, нельзя обрести в далеком будущем, в специально созданном «совершенном обществе». Это нечто такое, что можно только накопить и приумножить в постоянном процессе «ликвидации поправимых зол». Таков в представлении Поппера социальный прогресс. Такова в его видении задача модернизации, во многом совпадающая с обыденным значением этого слова – усовершенствование, улучшение. Такая задача безусловно имеется. Но модернизация Запада провела его через пятьсот лет принципиальных ценностных, культурных, политических, социальных изменений, содержащих «большие идеи», прежде чем можно было приступить к методически организованной малой социальной инженерии. Думается, что не-Запад и Россия как его часть (не-Запад, но Европа), отказавшись от части своих «больших идей», не могут не обрести их, чтобы производить частичную модернизацию. Сейчас же, на наш взгляд, у частичной модернизации нет этого горизонта будущего. И более того, она охватывает лишь немногие задачи, касаясь по преимуществу технологий, отдельных улучшений, но не общества в целом.

Можно по-разному относиться к концепции социальных изменений и технологий Поппера. Но при этом, как мы показали выше, всегда желательно иметь в виду исторический и интеллектуальный контексты, в котором она вызрела и создавалась. Приведем, в целях иллюстрации, только одно соображение, которое принадлежит английскому общественному и государственному деятелю Э. Бойлю. Он находит весьма слабым понимание целей общественного развития, которое мы находим у Поппера: если нет возможности создать чисто институциональным способом условия для счастья всех граждан, то кто нам мешает думать над тем, как увеличить возможность счастья. Помимо борьбы с поправимым злом усилия можно направить на усовершенствование экономики, которая может увеличивать свободу граждан. «А задача нашей политики в области образования? Когда мы говорим о том, чтобы дать возможность каждому индивиду раскрыть свои способности, или о том, чтобы предоставить всем детям “равные возможности для повышения количества измеряемого уровня интеллекта”, мы ведь, конечно, мыслим в терминах задач, далеко выходящих за рамки “борьбы... против самых животрепещущих общественных зол”»¹⁰. Бойль относится к Попперу с уважением и почтением. «Таким образом, хотя я всей душой поддерживаю взгляды Поппера на *средства* достижения общественного прогресса, сам я предпочел бы несколько больше амбиций в отношении

¹⁰ Там же. С. 354.

целей. И я не сомневаюсь, что в демократическом обществе цели социальной и экономической политики нужно не только обсуждать, но и строго анализировать»¹¹.

Подход Поппера к проблеме социального обустройства общества содержит определенные выводы:

– социальная организация общества не может быть подвергнута тотальным преобразованиям, основанием которых выступают социально-философские теории или иные «передовые» теории, на основе которых предлагаются «проекты совершенных обществ». В XX веке макро-социальные теории, выступившие с «пророческими» предсказаниями, доказали свою несостоятельность в качестве факторов принципиального и глобального переустройства общества;

– с методологической точки зрения акцент должен быть сделан не на предсказании, а на критике и опровержении разумных и частных предположений, но не на рассмотрении бесконечных следствий из некоей теории. Поппер назвал это холизмом и утопизмом. На практике этот подход, по его убеждению, всегда приводил к насилию над личностью и дискредитировал свободу человека;

– Поппер предьявляет к методам радикального переустройства общества, помимо всего прочего, важное для него в интеллектуальном плане обвинение в *иррационализме*;

– Поппер отвергал перспективу отмирания государства в трудах К. Маркса и признавал только «чисто формальную свободу», т. е. демократию, или право народа оценивать и отстранять свое правительство, которое представлялось ему единственно известным нам механизмом, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя от злоупотребления политической силой;

– Поппер считал, что «догму, согласно которой экономическая власть является корнем всех зол, следует отвергнуть. Ее место должно занять понимание опасностей, исходящих от *любой* формы бесконтрольной власти».

Концепция Поппера направлена на оправдание обществ западной демократии, которую можно только совершенствовать, опираясь на предложенные им принципы «социальной инженерии частных решений», но нельзя радикально изменить. Если следовать Попперу, любые идеи и проекты общества иной природы, в которых человек освобожден от вещной зависимости и устремлен к вечным ценностям, уходя от рыночно-демократических, утопичны по своей сути.

Критика утопических концепций социальной инженерии

Можно привести некоторые наши возражения Попперу:

– Поппер упускает из виду ту особенность западных демократий, что и они имеют тот самый «утопический», с его точки зрения, фундамент, который был заложен столетия назад Ренессансом, Реформацией и Просвещением, трудами философов и буржуазными революциями. Маркс же формировал подобный фундамент для обществ нового типа, которые вопреки его теории возникли не в странах развитого капитализма, а в странах второго и третьего эшелона развития. И в них без фундаментальных предпосылок социальная инженерия нередко скатывалась к варварским формам.

Сегодня Россия резко оборвала попытку социалистического опыта, перешла формально к рыночно-демократическому обществу, не построив идейного фундамента этого перехода и воспринятого обществом в терминах свободы обогащения, а не цивилизационного рынка, свободы собраний и высказываний, не гражданского участия в принятии решений для улучшения общества – постепенной социальной инженерии. Социальная инженерия находится в руках власти. Поэтому уподобление нашего общества западному преждевременно.

---

¹¹ Там же. С. 355.

– широко известна концепция нескольких *волн демократии* С. Хантингтона и других авторов. Согласно этой концепции, *первая волна демократии* началась в США в начале XIX века и продолжалась до окончания Первой мировой войны. Идея Лиги Наций В. Вильсона *консолидировала западные демократии*. Первый откат происходит с 1922 по 1942 год и характеризует сдвиг от демократии к традиционному авторитаризму или к новому идеологическому массовому тоталитаризму. *Вторая волна демократии* поднялась, по его мнению, с 1943 года, активизировавшего наступление на фашизм, и продолжалась до 1962 года вследствие оккупации западными союзниками стран Европы после Второй мировой войны, вызвавшей распространение демократии в основных европейских странах, за исключением стран, находящихся под советским влиянием. Начало конца западной колониальной политики принесло элементы демократии и в бывшие колонии. Поражение фашизма способствовало появлению демократий в Европе (в Германии, Италии и пр.), а также в ряде деколонизированных стран. Второй откат – 1958–1975 годы – произошел в Латинской Америке и постколониальной Африке., где усилился авторитаризм. *Третья волна связана с посткоммунистической модернизацией*¹². По мнению Хантингтона, политическая стабильность достигается при наличии адекватной институционализации, обеспечивающей консолидацию. Вместе с тем он подчеркивал, что в странах новой демократии трудно провести четкие разделительные линии между высокоорганизованными политическими структурами и дезорганизованной политикой, между участием и неучастием масс в политике¹³. Поппер более упрощенно видит этот контекст как контекст последовательной социально-инженерной деятельности, улучшающей общества, хотя в бушующем мире это трудно осуществимо. Борьба с фашизмом и коммунизмом создавала упрощенную бессубъектную версию социальной инженерии. Обнаруживается все же ведущее место деятельности политиков по выработке стратегических целей, а менеджмента и управления – по нахождению средств достижения этой цели. Ведь идея демократии, все более превращаемая на Западе в мерило хорошего или совершенного общества, вполне адекватна по структуре идее социализма Маркса, создающей новый, совершенный мир.

– Поппер выступал против утопического подхода в любой форме, но при этом он совсем упустил из виду, что демократические общества Запада как раз и представляли собой реализованный историей вариант «утопического капитализма». В XVIII и XIX веках западные общества трансформировались в капиталистические. Это был великий эксперимент или «великая трансформация» (К. Поланьи). Инициатором и «движущей силой» в этом эксперименте выступали правительства, расширяющие границы рыночных отношений до пределов всего общества. В результате реакция общества в виде бунтов, забастовок, стачек и революций установила к концу XIX века определенную конфигурацию между структурами рынка, демократической организацией общества в основном в форме парламентской демократии и местом правительств в функционировании социально-государственного механизма. То есть социальный эксперимент в западном мире все-таки имел место, невиданный прежде подъем Запада стал его результатом. Этот же эксперимент в теоретическом плане дал понимание, что общества могут быть устроены в каком-то смысле лучше, чем те, что «реализовались» в действительности. Утописты, социальные теоретики, писатели и философы предложили множество моделей «идеальных» обществ. Создание проекта «нового совершенного» общества нельзя представить и без писателей, поэтов и художников. Особенно роль художественной элиты заметна на примере социальных катаклизмов в России на рубеже XIX и XX веков. Культурная революция свершилась прежде в умах, и только поэтому стала возможна революция партии большевиков. Следовательно, культуру Поппер также отнес бы к разновидностям идеологий. Но главная идея – демократия. В работе Герберта Уэльса «Россия во мгле» описывается его встреча с больше-

¹² См.: Хантингтон С. Третья волна демократизации в конце XX века. М., 2003. С. 26–37.

¹³ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven; L., 1968. P. 78.

виками, особенно с Л. Каменевым и Г. Зиновьевым, которые все события в мире видели как *классовые отношения*. Так, многовековой англо-ирландский конфликт они трактовали в терминах классовой борьбы, хотя это был религиозный конфликт – укрепление протестантизма за счет подавления католицизма (в течение сотни лет в Англии действовал закон о смертной казни за укрывательство католических священников). Зиновьев заявил Уэльсу в сентябре 1920 года, что сейчас в Ирландии идет гражданская война, Уэльс ответил: «По существу, да». Тогда Зиновьев спросил: «Кого Вы считаете представителем пролетариата – шинфейнеров или ульстерцев?» Зиновьев долго бился, пытаясь уложить положение в Ирландии в формулы классовой борьбы. Это было чрезвычайным упрощением реальных событий, навязчивой идеей, идеологическим клише. Это не означает, что теория классовой борьбы не верна. Но означает, что она не является отмычкой для объяснения всех вопросов. Защита демократии западными учеными часто носит сходный характер: все события трактуются с позиций демократии. В некоторой мере демократия у Поппера становится рамкой постепенной социально-инженерной деятельности, хотя может осуществляться и в недемократических странах. Поскольку, по мнению Поппера, проект нового, в чем-то более совершенного общества не может быть реализован в принципе, то существующие страны западной демократии путем «пошаговой инженерии» могут быть улучшены устранением очевидных для всех зол и в каком-то смысле уже являются «совершенными»

– В аргументации Поппера демократия помогает защититься от институтов бесконтрольной власти, если противопоставить им институты, *действующие в интересах большинства граждан*. Его предложение в следующем: «Вся долгосрочная политика – особенно всякая демократическая политика – должна разрабатываться в рамках безличных институтов. В частности, проблема контроля за правителями и проверки их власти является главным образом институциональной проблемой – проблемой проектирования институтов для контроля за тем, чтобы плохие правители не сделали слишком много вреда»¹⁴. В этом же духе: «Мы должны защищаться от усиления власти правителей. Мы должны защищаться от лиц и от их произвола. Институты одного типа могут предоставить безграничную власть тому или иному лицу, но институты другого типа могут отнимать ее этого лица»¹⁵. В этих рассуждениях прослеживается западная идея *недоверия к власти*, которое реализовано в системах западной демократии. Напротив, в восточной традиции, например в Китае, действует принцип доверия к правителю, подготовленному для осуществления своей миссии. Концепция Поппера, следовательно, не может претендовать на универсальность. Это особенно очевидно в условиях современного глобализирующегося мира, в котором наблюдается большое разнообразие политических и экономических систем организации обществ. Но с другой стороны, он убежден в том, что в современных ему либеральных обществах Запада идея действительной свободы реализована наиболее разумно через принцип последовательного развития формальной свободы. Однако происходит ли это в действительности – дискуссионный вопрос. В обществах рыночной экономики, как показывают исследования, в частности и по использованию социальных технологий в целях модификации и воздействия на поведение свободных граждан, человек далеко не свободен.

– Термин «утопия» часто используется и совсем не в попперовском смысле. Французский политический мыслитель П. Розанваллон убедительно показывает весь процесс возникновения рыночных обществ, идущий от становления утопии общества как рынка, которая получила название либерализм, до ее воплощения в реальных государствах. Он пишет: «Будучи помещенной в этот общий контекст, утопия рыночного общества предстает неотделимой от двух других утопий. Первая – *утопия господства права*, которое могло бы послужить еще

¹⁴ Поппер К. Открытое общество... Т. 2. С. 153.

¹⁵ Там же. С. 153.

одним субституту политическому порядку, основанному на конфликте и переговорах. Эта утопия есть естественное дополнение *утопии регулирования*, лежащей в основе современного понятия рынка. Вторая утопия – *антропологическая*: согласно ей, моральный и социальный универсум состоит из абсолютных индивидов, совершенно автономных и суверенных хозяев своей жизни»¹⁶. И, добавим индивидов автономных и ответственных, чего уже нет в массовых обществах. Это – серьезная критика Поппера.

– Кто же является субъектом поэтапной социально-инженерной деятельности? Гражданское общество не состоит из «социальных инженеров». Тут можно покритиковать Поппера за то, что, отвергая глобальный политический проект, он делает политику центром социальной системы, не отвечая на вопрос: а кто же, как не власть и не преданные власти люди, станет носителем социально-инженерных преобразований? Ответа на этот вопрос у Поппера нет.

Модернизация как изменение общества в целом, не являющееся поиском совершенного общества

Итак, в полемике между идеей «совершенного общества» и поэтапно инженерно меняющегося в лучшую сторону общества победителей нет. Сочетание общих идей и применение социальной инженерии при решении вопроса о ее субъекте дает большой шанс демократии, экономический прогресс, гражданское общество, эффективность преобразований, если говорить о России.

Интерес к Попперу обусловлен широко распространившимися сейчас социальными технологиями, на которые возлагаются большие надежды. Распространение этого мы видим и в концепции частичных модернизаций, возобладавших в России. Дело доходит до того, что, если некоторые учреждения и институты не производят услуг, они признаются нерентабельными. В этом корень реформирования Российской академии наук и недоверия к фундаментальному знанию.

В ответ на это стоит заметить, что наибольшие проблемы могут лежать в сфере ценностей, в разрыве поколений, в криминализации, в росте агрессии. Эти проблемы возникают как раз в большей мере из-за отсутствия целей и идеалов общества, из-за отсутствия пути в современность. Их технологические преодоления не могут быть подобны инженерным. В работе В.Г. Федотовой «Хорошее общество» показано на основе концепции П. Бергера и Т. Лукмана значение диагностики проблем и феноменологических процедур работы с сознанием, получивших название «социальное конструирование реальности»¹⁷. Эти процедуры разработаны ими в феноменологической социологии: хабиитуализация (опривычивание), типизация (разделение объектов на классы, разделение плохого и хорошего), институционализация (воплощение идей в общество), легитимация (передача следующим поколениям)¹⁸. Феноменологические процедуры нельзя назвать инженерными, поскольку они обеспечивают работу с ценностями и когнитивными факторами, с культурой, но они создают реальные возможности преобразования общества. В этом отношении можно также указать на российский суррогат использования термина «модернизация» в качестве идеологемы, которая теряет смысл из-за ее формального, корыстного или некомпетентного употребления людьми, которые не изучили ни одной истории модернизации ни в одной стране, ни одной ее теории, просто конъюнктурно переименовали свой лексикон, в который прежде входили такие слова, как «изменения», «преобразования», «развитие» и пр.

---

¹⁶ Поппер К. Открытое общество... Т. 2. С. 32.

¹⁷ Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

¹⁸ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Сегодняшним способом совмещения целей, идеалов общества, направленных преобразований, социальной поэтапной инженерии и технического развития одновременно является модернизация как процесс осовременивания общества в целом, которое включает создание благоприятных инноваций и инновационное развитие всего общества, способствующее его преобразованию и преображению.

Модернизация – это стремление не к совершенному обществу, которое действительно является утопией, а к современному обществу. Современное общество не совершенно, но его главные идеи почти те же, что у Поппера: свободный и ответственный индивид, демократия, идеи будущего страны и улучшение особо острых проблемных ситуаций способом конкретной социально-технологической деятельности и другими методами. В сегодняшней российской практике модернизация рассматривается преимущественно как технико-технологический процесс, оставляя за бортом целостность этого процесса, его направленность на изменение всех сфер.

Предлагаемая работа и посвящена модернизации как целостному преобразованию общества.

В.А. Колпаков, В.Г. Федотова

Введение

Вызовы модернизации и модернизационной теории

Объявленный Россией курс на модернизацию продолжает традиционную для страны линию развития, начатую Петром Первым, который осуществлял модернизацию в военно-технической сфере (чтобы не быть колонизированными Западом), Александром II – в социально-политической (чтобы войти в семью европейских наций) и большевиками – в попытке построения принципиально нового общества (как обходной маневр ускоренного развития, перехода из аграрной стадии в промышленную).

Поэтому сегодня говорить о технико-экономической модернизации России, задачи которой безусловно назрели, как о чем-то, чего мы еще не проходили, и о модернизации и капитализме без знания теорий и истории капитализма и модернизации – значит наступать на старые грабли: не знать того общества, в котором живем. Техничко-экономическое переустройство сегодня не может быть осуществлено при потере обществом труда, при наличии конфликта ценностей, росте девиаций и коррупции, неудач в реформе образования и науки. Модернизация – процесс, который нельзя изолировать от социально-культурных преобразований. Она не может быть построена исключительно на идеях экономического роста, хотя сегодня к быстрому экономическому росту подключилось множество посткоммунистических стран и стран Азии. Опираясь на научные исследования ш. Айзенштадта, З. Баумана, У. Бека, П. Бергера, П. Вагнера, К. Поланьи, С. Лэша, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона, Р. Мюнха и других известных исследователей, включая многих российских, на которых будут даны ссылки, Пихоя показала в своих исследованиях, что эволюция современности (модернити) происходит следующим образом: от первой либеральной современности XIX века, через разрывы, кризисы и Первую мировую войну ко второй организованной современности большей части XX века – с 1920-го по конец 1960-х годов. И далее мной вводится понятие третьей современности XXI века, обозначаемой как новое Новое время для незападных стран, когда эти страны вступают в эпоху, которую Запад прошел с наступлением Нового времени, но уже при значительном влиянии фактора культуры¹⁹. Модернизация модернизирующихся ныне стран перестала быть догоняющей Запад и, хотя предполагает вестернизацию и не отказывается от усвоения любого другого позитивного опыта, в том числе истернизации, ее главный смысл – решение проблем своей страны, инновационное развитие не только в технико-экономической сфере, но и в сфере социальной, культурной, этической, в сфере формирования современного человека и пр.

Капитализм в истории всегда рассматривался критически. Это не значит, что он всегда отрицался, ибо явно проявлял как позитивные, так и негативные стороны. К. Маркс, который был революционным критиком капитала, тем не менее признавал его цивилизующую миссию, не говоря уже о М. Вебере и многих других исследователях капитализма. И вот сегодня критика возобновилась, ее стало больше. Правда, эта критика не носит революционного характера. Она не направлена на уничтожение капитализма, но в отношении значительного числа его аспектов исходит из посылки о возможном конце капитализма. Например, американский исследователь И. Валлерстайн предполагает три траектории, которые возникнут, если капитализм все-таки придет к своему закату. *Первая* – неофеодализм, в котором возможны персонифицированные суверенитеты, режимы с высоким уровнем техники, эгалитарные системы. *Вторая* траектория, как ни странно это прозвучит, – «демократический фашизм». Это не ошибка в переводе. Имеются в виду режимы, похожие на кастовые системы

---

¹⁹ См.: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 133–357.

с эгалитарным распределением, которое коснется примерно пятой части мирового населения. И дальше он предполагает *третью* возможность – радикального всемирного порядка, отличающегося децентрализованностью и высокой эгалитарностью. Я, как и соавторы только что упомянутой книги «Глобальный капитализм: Три великие трансформации», принадлежу к тем людям, кто исследовал капитализм с чисто научных позиций, не связывая его будущее с политизацией, с моральными аспектами. Мы рассмотрели, как он возник, реализовался, и, конечно, увидели и достоинства, и пороки капитализма. Но когда знакомишься с прогнозами Валлерстайна, хочется вернуться к капиталистической модернизации из-за пугающих вариантов опасного будущего, которые им описаны. И кажется даже, что лучше оставить возможности для улучшения капитализма, чем встретиться с новой квазифеодальной реальностью.

Если мы зададимся вопросом, была ли альтернатива капитализму и социализму в истории, то ответ состоит в том, что альтернатива такая была. Ее носителем являлась социал-демократия, представлявшая собой взаимовыгодный контракт власти, бизнеса и наемных работников об условиях их взаимодействия. Это оказалось наиболее благоприятным для населения, но глобализация способствовала тому, что капитал стал уезжать туда, где выгодно. Налоговая база социал-демократии, за счет которой осуществлялось справедливое распределение, ослабла. Вопрос же о социал-демократии в масштабе глобального капитализма пока может ставиться только абстрактно. Мы долгое время относили социал-демократические страны к капитализму. На деле социал-демократии обеспечивают высокий уровень социальных гарантий, качества жизни, справедливости и соответствия этическим нормам. И альтернативой социализму могла бы быть социал-демократия, но она осуществилась только в тех странах, которые определялись как капиталистические. СССР не пошел по данному пути, а он мог бы осуществить реальную конвергенцию капитализма и социализма.

Капитализм всегда считался основной чертой современности (modernity), следствием модернизации и ее ядром, ведущей практикой современности, существующей на всех ее этапах²⁰. Но сегодня количество точек зрения по вопросу соотношения капитализма и модернизации очень велико. Оно увеличилось после 1970 года, который оказался рубежным в связи с поколебленными в своей устойчивости чертами развития: переменами капитализма на Западе, экономическим ростом Японии и других азиатских «тигров», либерализацией коммунизма. Дальнейший распад коммунистической системы, переход Запада в постиндустриальную информационную стадию или в стадию высоких технологий, вызовы, идущие от Китая и Индии, создали новый взгляд на капитализм и модернизацию как многообразие, в котором складываются и неоднозначные отношения, и неодинаковое протекание самого процесса модернизации.

Социальные теоретики выделяют по меньшей мере четыре типа отношений капитализма и современности: капитализм и современность как прочно связанное и переплетенное социальное образование; современность как самое многообещающее явление, которому капитализм не дает завершиться, становясь причиной многообразных форм современности; капитализм и современность – сосуществующие, но аналитически различные социальные образования; есть страны, развитие которых обеспечено капитализмом (например, Англия), и есть страны, в судьбе которых наибольшую роль сыграла модернизация, например политическая модернизация (США, Франция, в особенности велика роль Великой Французской революции в этой стране)²¹.

²⁰ *Ту Вэймин*. Множественность модернизаций и последствия этого явления в Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. С. 237–251; *Чугров С.В., Карелова Л.Б.* Ту Вэймин и новое конфуцианство // Полис. 2012. № 1. С. 188–189; *Ту Вэймин*. Подъем конфуцианской Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Там же. С. 7–25; *Ту Вэймин*. Разные взгляды на современность о сущности восточно-азиатской модели современности // Век глобализации. 2014. № 4 (13). С. 3–12.

²¹ *Wagner P.* Modernity, Capitalism and Critique // Thesis Eleven. 2001: P. 66. <http://the.sagepub.com>. P. 3–4; *Idem*. Moderne

Мировой экономический кризис не закончился и, очевидно, закончится не скоро. Меньше всего от него пострадал Китай, настолько меньше, что китайское правительство приняло решение несколько ограничить экономический рост. Для чего? Как показывает известный ученый Ту Вэймин, в Китае все время решали вопрос о том, как преодолеть следующие альтернативы: «традиционное и современное», «локальное и глобальное», «капиталистическое и социалистическое»²². При всей идеологической ориентации на социализм там имеются элементы такого развития, которые характерны для капитализма. Про глобализацию писали, что это победа капитала над национальными интересами незападных стран, в том числе и я так думала. Но Китай сразу ринулся в глобальный рынок и сумел использовать его в интересах своей страны. И вот сегодня, когда чувствуется, что глобальный рынок – это источник конфликтов, связанных с экономическим кризисом, в Китае стараются перенести часть продаж внутрь самого Китая.

Экономический кризис вызвал новую волну критики капитализма. Н. Саркози однажды заявил, что пора подумать о преимуществах социализма перед капитализмом. Многие восприняли это всерьез. Но они не учли того, что во Франции сильны социалистические силы и левые партии и потому Саркози сделал кивок в адрес этих сил, которые за ним не шли, желая продемонстрировать себя как президента всех французов, а не их части. Но потом произошло событие, о котором заговорил весь мир. Казалось бы, событие не такое значимое, но оно было воспринято очень серьезно. Я имею в виду социологическое обследование немцев и австрийцев об их отношении к капитализму. Результаты опубликовал журнал «шпигель». Немецкая журналистка в «Российской газете» пишет: исследование показало (это было социологическое исследование), что в кризисные времена люди стали подвергать сомнению перспективу ориентации преимущественно на экономический рост, они стали больше обращать внимание на негативные стороны капитализма, особенно в сфере угроз окружающей среде и социальной поляризации населения. И вот эта журналистка сообщает, что от представителей фонда Б.Ф. Этцеля, проводившего опрос, удалось узнать, что девять из десяти опрошенных хотят улучшить существующий экономический порядок. Каким образом? На первом месте стоит защита природы, на втором – рациональное отношение к ресурсам, на третьем – социальная справедливость. В «шпигеле» я нашла, что $\frac{4}{5}$ всех респондентов говорили и о своей ответственности, о своей готовности изменить привычки, стиль жизни для улучшения экономического устройства. Например, меньше пользоваться автомобилем, реже летать на самолете, аккуратно обращаться с мусором, утеплять свое жилье, пользоваться альтернативными источниками энергии пр. Они не хотят старого капитализма, но не мечтают и о социализме. *Их альтернатива – это включение в модернизационный проект не только экономического роста, но и многих других параметров, имеющих социально-гуманитарное, экологическое, этическое содержание.* Но будет ли это тогда соответствовать капитализму? Или можно будет считать, что капитализм стал другим?

Теперь хотелось бы изложить некоторые соображения о будущем капитализма и социализма. Термин «социализм» довольно давний. Он был выдвинут П. Леру и социалистами-утопистами Р. Оуэном, А. Сен-Симоном, ш. Фурье. А с термином «капитализм» дело обстоит совершенно иначе. А. Смит, классик буржуазной политэкономии, не употреблял термин «капитализм». Он выдвинул трудовую теорию стоимости и обосновал значимость рынка. Но при этом он часто сравнивал рынок Англии с рынком Китая. В Китае Смит нашел преимущества огромного человекоемкого рынка, отмечает упорство китайцев в труде и дешевизну рабочей силы, способность китайцев производить и продавать огромное число товаров. А в Англии рынок маленький, считал он, его человекоемкость невелика, возможность прода-

---

als Erfahrung und Interpretation // Eine Neue Soziology der Moderne. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft / 2009.

²² Ту Вэймин. Указ. соч.

вать меньше. Поэтому нужно, полагал Смит, объединение рынков европейских стран и нужны машины, которые могли бы сравниться в работе с производительной емкостью китайского общества, обеспеченной огромным числом работающих людей. Маркс тоже не употреблял термин «капитализм», хотя говорил о капиталистическом производстве, о капитале. Он говорил о «буржуазном обществе», об «обществе вещной и личной зависимости». Он конечно же имел в виду капитализм, но сам термин не принадлежит Марксу. Проницательный социолог Р. Шпакера утверждает вслед за ведущими экономистами и социологами, что впервые в западной литературе этот термин применил В. Зомбарт в 1902 году в работе «Современный капитализм». Именно Зомбарт повлиял на обращение М. Вебера к проблеме специфики современного западноевропейского капитализма, а не наоборот. Понятие «капиталистический дух» впервые употребил Зомбарт, а не Вебер.

Но в России, как мы знаем, В.И. Ленин в труде 1894 года «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» использует термин «капитализм». Ленин опубликовал работу «Развитие капитализма в России» в 1898 году, т. е. тоже раньше книги Зомбарта. Здесь Ленин пишет: «Развитие товарного хозяйства ведет таким образом к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта; – и не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению. При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению. При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию. Этот прогрессивный рост общественного разделения труда и является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма». *Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда.* В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин рассматривает эту стадию капитализма как переход от первоначального капиталистического накопления к стадии монополистического капитализма или империализма. Ленин считает эту стадию паразитической и загнивающей, свидетельствующей о последней стадии капитализма и кануне социалистической революции в России²³. Капитализм, следовательно, рассматривался К. Марксом, В.И. Лениным как новая прогрессивная и современная форма хозяйства, которая затем ожесточенно критикуется Лениным как канун социалистической революции.

Понятия, которые появились позже, чем характеризуемое ими явление, могут, видимо, на каком-то этапе исчезнуть. Известный ученый Дж. Арриги, размышляя о будущем капитализма, говорил, что капитализм отомрет вместе с государственной властью, которая позволяет ему добиваться богатства в современную эпоху рыночной экономики.

Это и мой *первый прогноз*. *Второй* – состоит в следующем. Если процесс глобализации остановится, то и капитализм и социализм могут вернуться к *социал-демократии*. В этом сценарии нет ничего абсурдного. Первая глобализация началась в 1885 году как free trade и была оборвана Первой мировой войной. Если по каким-то причинам глобальное сообщество распадется (а ведь то, что предполагается, скажем, в приведенных концепциях Валлерстайна о кастах и будущих феодализмах, другого, конечно, типа, не идет речь о глобализации), то социал-

²³ См.: Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Сочинения В.И. Ленина. Изд. 4. М., 1951. Т. 1. С. 315–484; Он же. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Там же. Т. 3. С. 15–16; Он же. Развитие капитализма в России. Там же. 1952. Т. 22. С. 173–290.

демократии в конкретных странах имеют все шансы на будущее. Социал-демократия глобального капитализма (если глобализация сохранится) пока осуществиться не может из-за отсутствия глобальных институтов, которые для этого необходимы.

Третий прогноз складывается из того, что говорил А. Смит о Китае и как итальянский экономист и социолог Дж. Арриги интерпретировал его позицию. Находясь некоторое время в Китае и изучая его, Арриги обнаружил, что существует очень большой резерв старых концепций для понимания новых ситуаций. В своей книге «Адам Смит в Пекине» он говорит о неосмитианстве, к которому он обратился, продолжая исследования в периферийных и полупериферийных зонах экономики. Арриги утверждал, что *если Китай не построит социализм, то это не будет означать, что он построил капитализм, а если он не построит капитализм, то это не будет означать, что он построил социализм. Границы между капитализмом и социализмом размываются в связи с подключением многих незападных стран к рыночной экономике*. На опыте Китая они размываются совершенно явно.

Четвертый мой прогноз состоит в том, что капитализм и социализм являются исторически возникшими системами, и не исключено, что появятся смешанные системы или переходные общества, для которых эти понятия сначала ослабят, а затем и утратят значение и не станут предметом размышлений. Разумеется, они будут играть большую роль в понимании прошлого.

Пятый прогноз – когнитивные изменения. Сыграв свою огромную роль в конструировании адекватной социальной онтологии своего времени, сегодня понятия «капитализм» и «социализм» могут иметь в большей мере историческое значение. Всегда существуют когнитивные социальные технологии, адекватные до определенной степени и для определенных целей. Понятием «класс» и игнорированием понятия «нация» Маркс ориентировал на классовую борьбу. Понятие «нация» других исследователей вело к национальным движениям и их самоутверждению. Понятие «средний класс», выделенное преимущественно на основе определенного достатка, вело к примирению классов, но и к росту консьюмеризма. Ограничение понятия «средний класс» культурной общностью, что сделали сейчас английские ученые, открывает новые перспективы для интеллектуального развития. Нельзя не заметить уже не новую сетку иных категорий, таких как «Запад – не-Запад», «Север – Юг» несколько видоизменивших наше видение дилеммы «капитализм – социализм» в сторону цивилизационных, а не экономических характеристик. Легко предположить, что могут быть и другие трансформации привычных сегодня категорий как способа усилить возможности диалога между странами и людьми.

Многое изменилось. Фактор культуры признан важным фактором, определяющим конкретный облик модернизации в разных странах. Более того, он предполагает особенности учета региональных культур в модернизации российских регионов. Что изменилось, почему в СССР мы не могли бы сказать «Такие разные России», хотя СССР был даже более многообразным, чем Россия сегодня? Значительная часть советских республик – Прибалтика на северо-западе, Среднеазиатские республики и Казахстан, Украина, Грузия, Армения и Азербайджан – не входят в сегодняшнюю Россию, но мы стали так говорить. И это при том, что распад СССР осуществился волей трех групп политиков – националистами Прибалтики, Украины и Закавказских республик, которые, в отличие от республик центральной Азии, стремились к отделению; русскими этно-националистами, считавшими, что «хватит всех кормить», и демократами, которые надеялись, что получают однородную страну, которую легче демократизировать. Еще тогда я говорила: «Если мы начнем резать рыбу, то получим рыбу в каждом ее куске. Если мы начнем резать СССР, мы в любом месте получим этнокультурное, конфессиональное многообразие». Но ошибка была не только в надежде на однородность территории, чем бы ни питались эти надежды. Ошибка была в том, что единые государственные планы СССР втягивали все территориальные субъекты в общее развитие, деархаизировали многие из них. В отличие от глубоко-

уважаемого И.К. Пангина, я не могу назвать деархаизацию, которую проводила Россия на окраинах и у себя, «вытаптыванием различий». Генерал М.Д. Скобелев завоевывал территорию нынешнего Туркменистана. Но когда он расстрелял несколько своих солдат-мародеров, туркмены пришли заявить о согласии быть в России, но жить по-своему. И эта «жизнь по-своему» оставалась в республиках. Россия всегда была страной многих народов, внутренне многокультурной, но живущая, модернизирующаяся и развивающаяся вместе. Если и было «вытаптывание», то ее делала модернизация путем деархаизации. А сегодня общий модернизационный проект сталкивается с более глубокой архаизацией, начавшейся в 1990-е годы, с отставанием многих республик и областей от задач развития и тем более модернизации, нередко понимаемых как архаизация, так что общий проект не в состоянии охватить разбредшуюся по своим архаическим началам часть страны, не имеющую недр с нефтью и газом, и поднимает только регионы богатые, но не за счет модернизации. Модернизация стала идеологемой, не касающейся большинства населения и непонятной ему.

Тем не менее мы видим, что за несколько лет существования этой идеологемы в сегодняшней России она менялась. Она появилась в качестве догоняющей модели и модели экономического роста несколько лет назад, а сегодня как стремление войти в новый технологический цикл нано- и биотехнологий и получить новые программные продукты и изделия для реального участия в ВТО. Возможности более комплексного понимания модернизации для вовлечения в нее всех регионов и всех слоев населения и расширения ее намерений до общества в целом пока не реализовались.

Недавно восхваляемая многокультурность привела к политике мультикультурализма, закончившегося в ЕС провалом. Идентичность с ЕС оказалась тоже идеологемой. Но критика мультикультурализма стала универсализироваться. В.Б. Власова показала, что российское многообразие культур коренным образом отличается от того, что возникает в связи с иммиграцией, объединениями государств, т. к. у нас это исторически данное состояние. Нельзя стать гражданином ЕС, но можно быть гражданином России, сочетая идентичность по гражданству с этнической идентичностью.

Многим представляется, что многообразие регионов и культур является препятствием для модернизации. В Фонде М.С. Горбачева существует совместно с Институтом Кеннана семинар на тему, является ли многообразие России препятствием модернизации. Самое многообразие трактуется по-разному. В неолиберальной трактовке это сводится к конфликту между модернистами и традиционалистами.

В региональном плане имеется несколько трактовок: «четыре России» Н. Зубаревич, выделенные по экономическим показателям. «Первая Россия» – Москва, Петербург, страна больших городов (Пермь, Красноярск, Волгоград и др.) – от миллиона жителей до 500 тыс., где проживает примерно 28 % населения. «Вторая Россия» – страна средних промышленных городов с еще работающей советской промышленностью (Н. Тагил, Магнитогорск и др.) – 25 % населения. «Третья Россия» – сельская и малых городов – 38 % населения. «Четвертая Россия» – республики и города Северного Кавказа (Махачкала и др.) и юга Сибири, Алтай – 6 % населения. Понятно, что только часть страны имеет перспективу быстрого развития.

Л.А. Беляева и Н.И. Лапин исследовали «социокультурные портреты регионов». Позже их исследования представлены Н.И. Лапиным в связи с модернизационными процессами путем использования индексов, введенных китайским специалистом по модернизации профессором Хэ. Наложение социокультурного облика регионов на их модернизационные возможности позволило выделить регионы первичной (индустриальной), вторичной (постиндустриальной) модернизации, совместного осуществления их обеих.

Российское разнообразие касается не только регионов, этносов, экономик, людей, культур, но в сущности беспредельно. Тем не менее большинство принятых региональных стратегий развития до 2025 года похожи друг на друга как близнецы-братья и почти всюду, в каж-

дом регионе, даже в тех, которые классифицируются как экономически отсталые, целью этих стратегий объявляется постиндустриальное региональное общество в полном соответствии с целями и стратегией всей России. Фактически на бумаге отрицается неравномерность развития, присущая любой стране, и Китаю, и Америке. Это формальное перенесение стратегии России на каждый регион своей нереалистичностью подтверждает превращение модернизации в идеологему, не способную к вдохновлению и мобилизации масс. Последнее связано еще и с тем, что высокие технологии не делаются массами и модернизация – это призыв индустриальной эпохи, которая сегодня должна иметь другие параметры.

Модернизация – это реформация, но она не происходит сегодня в России.

Я целиком согласна с И.Н. Сиземской, которая пишет: «...бесспорно есть свидетельство масштабности происходящих сегодня *процессов по приближению к модернизации*, но не является свидетельством ее самой как нового, качественного (цивилизационно-культурного) состояния, которое без названных процессов, конечно, невозможно, но несводимо ни к одному из них, ни ко всей их совокупности. Просто потому, что модернизация – это *социокультурный феномен*: за ним стоят соответствующие мироощущение и мировоззрение человека, его понимание окружающего мира и своего места в нем, мотивация и стиль поведения, усвоенная система ценностных ориентаций и культурных предпочтений, наконец, общественные, в том числе политические, формы жизни, определённая система прав и обязанностей. В этом смысле *Модернизация есть Реформация*, охватывающая в наше время, в отличие от ее более ранних исторических проявлений, и материальную, и духовную жизнь людей *в их единстве*. Способность социума к ней – это атрибутивное свойство, гарантирующее от застоя, движение “по вертикали”»²⁴.

Заключение, что культурное многообразие является препятствием для модернизации, есть следствие применения идей либеральной теории XIX века, ориентированной на автономного и ответственного индивида, что неприменимо к массовому обществу. Массовый человек совмещает в себе критичность и конформизм, не является тем героем хотя бы веберовского толкования автономного человека, который смотрит на жизнь как на путешествие, которое он должен тщательно спланировать. Он участвует в публичной сфере. Но надо понимать, что это такое и как она исторически меняется.

В дискуссии государства и частных интересов формируется публичная сфера. Она понималась как отношения между государством и обществом, складывающиеся посредством рационально-критического обсуждения. Но сегодня, во-первых, концепция прозрачности общества для перенесения идеи рационально-критического отношения на массы не подтверждается. Отношение масс не только одновременно критическое и конформистское, но одновременно рациональное и эмоциональное. И во-вторых, модернизация перестала быть догоняющей и осуществляется на основе культуры обществ или по крайней мере с учетом ее особенностей. В XXI веке в модернизацию вступило множество незападных стран, ориентированных на совместимость модернизации с основами своей культуры, – Россия, Китай, Индия, Бразилия, Индонезия. В-третьих, все это происходит в условиях нового мегатренда, – в условиях глобализации, принимающей культурное многообразие в глобальном масштабе.

В принятии одной, стандартной для всей России, стратегии или риторики такой стратегии при одновременном разрушении фундаментального и социально-гуманитарного образования и культивирования утилитаризма сказывается сведение модернизации к экономическому росту или технологическому усовершенствованию при полном игнорировании социокультурного фактора.

---

²⁴ Такие разные России. Круглый стол журнала «Полис» и сектора социальной философии Института философии РАН // Полис. 2013. № 3. С. 87–112.

Как всякая идеологема, идеологема модернизации начинает доминировать и терять связь с реальными потребностями. Что мы хотим достичь с помощью модернизации? Если благосостояния, то всегда ли оно достигается модернизацией? Всегда ли оно достигается демократией? Если демократии, то всегда ли модернизация требует демократии? Есть успешные примеры модернизации недемократических стран. Сошлюсь на американского социолога Р. Брубейкера, который пишет о Сингапуре: «В течение более 30 лет этим современным городом-государством правил своего рода философ-царь Ли Куан Ю, не придерживаясь какой-либо политической идеологии. Ли детально регламентировал все стороны жизни трех миллионов своих сограждан, включая их жизненное окружение, привычки, личные и коллективные интересы и цели, вплоть до запрета публично плевать и курить. В нынешнем мире не найти более совершенного примера современного антиполиса, для которого характерны высочайшая технологическая эффективность, обширное использование информационных инструментов, всеобщее процветание, превосходные общественные службы (особенно школы и больницы), высокий уровень занятости, эффективная и просвещенная бюрократия, асептическое регулирование социальных отношений посредством исключительно функциональных требований и полное отсутствие политических идеологий и публичных дискуссий»²⁵.

Поэтому упрек модернизации в том, что в ней мало демократии, это не упрек модернизации, а упрек политике, истории, неудачливым реформаторам. Хорошо бы, конечно, получить сразу все – благосостояние, модернизацию и демократию. Пока же мы играем в слова.

Сегодня провозглашение модернизации целью страны, хотя и является идеологемой, не работает в качестве таковой. В публичной сфере, призванной рационализировать сознание как масс так и политиков, есть только общий проект модернизации без учета различий регионов, экономик, этносов, культур, слоев населения. Те, кто смотрят на модернизацию с государственных позиций, не видят разнообразия, а те, кто смотрит с профессиональных или повседневных воззрений, видят только различия. Таким образом, прежде всего необходимо, чтобы в публичное пространство попали идеи разнообразия, заинтересовывающие население в реальном процессе модернизации.

Мы сталкиваемся только с унифицированной моделью модернизации, которая недостаточно прозрачна. Сегодня это – нано и биотехнологии. В каждом из регионов в публичном пространстве призыв к модернизации выступает просто как призыв к улучшению, а в концептуальном и проектном значении она мало представлена. Модернизация не может быть сведена только к технологиям, и важнейшей задачей выбора версий модернизации выступает задача попадания отдельных регионов, сфер жизни, слоев населения, поколений в публичное пространство для обоснования более специализированных и более ожидаемых, более многообразных проектов модернизации.

В свете сказанного нам представляется актуальной проблема соотношения модернизации и культуры.

---

²⁵ Дзола Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010. С. 313–314.

Глава I

Россия и другие страны: догоняющая модернизация XVIII–XX веков

В разгар господства догоняющей модели модернизации я пришла к выводу о культуре как факторе модернизации, о возможности говорить о модернизации регионов, групп стран, связанных общей судьбой. Это было непопулярным, но сегодня оказывается методологически совершенно правильным.

Модернизационные процессы начались на Западе в Новое время и не скоро распространились на остальной мир. Но сегодня это процесс, охвативший весь мир.

«Вызов» запада и мировой «ответ»

Запад оказывает двоякое воздействие на незападный мир: он предлагает ему свои идеалы, и он может навязывать свои представления как заведомо более высокие. Религией Запада является свобода, поэтому все изменения в незападном мире, пытающемся догнать Запад, начинаются с изменения отношения к свободе. Иногда выбор свободы какой-либо незападной страной является сознательным и выстраданным. Часто понятие свободы и ее установления переносятся на неготовую для этого почву вследствие активности прозападных элит, увлеченных пафосом свободы и мечтающих о свободе как предпосылке развития, преодоления отсталости и превращения своей страны в высокоразвитую.

Однако столь превосходный замысел бывает непонятен населению, порой живущему сейчас, как столетия или даже тысячелетия назад, либо населению, претерпевшему тяготы незавершенной модернизации и не желающему испытывать их вновь на этом пути. Элиты активно проводят западные идеи в жизнь, сталкиваясь с необходимостью принудить население к новому, непонятному ему образу жизни. Они предлагают привлекательные перспективы, взывают к пафосу свободы и вместе с тем принуждают, приучают к свободе путем создания соответствующих институтов, законов, идеологий. Одной из наиболее распространенных идеологических аксиом переходного периода является обвинение страны, народа в отсталости. Пробуждая в народе чувство стыда за отрыв от развитых стран, чувство вины за собственную отсталость, элиты стремятся мобилизовать население для радикальных перемен. Среди средств легитимации изменений играет немалую, а иногда даже решающую роль указание на фактор отсталости перед лицом западного вызова, следствием чего может стать зависимость от Запада. В российской истории этот способ делать развитие привлекательным для народа, причем получая согласие последнего на неизбежные жертвы, «обязательство» терпеть лишения, был едва ли не единственным.

Достаточно ли основания, чтобы говорить о вызове Запада? Слово «вызов» предполагает наличие некоторых требований, которые Запад предъявил миру. Существуют ли такие требования? И если да, то как они предстали перед миром? Можно привести исторические примеры как прямого, так и косвенного давления Запада на незападные страны. Однако суть вызова Запада проявляется не столько в этих примерах, сколько в необходимости всем странам реагировать на существование Запада путем изменений, ускоренного развития даже независимо от того, понуждает ли их Запад к этому или нет.

Российской цивилизации пришлось осуществить консолидацию в ответ на вызов суровой природы, на вызов Азии и самоидентификацию, отличную от монгольской, – закрепление своих духовных и хозяйственных достижений, оседлого земледелия; ответить на вызов Запада

стремлением догнать Запад – общественные реформы Петра I, поворот к Европе с последующим духовным и материальным развитием по западному образцу (христианство, светская культура, промышленность). Но главные «вызовы и ответы» Россия переживала внутри себя. В ней был свой «внутренний Восток», внутренняя Азия как в прямом (азиатские народы, исламский фактор), так и в переносном (отсталость, азиатчина) смысле слова. В ней был свой внутренний Запад в виде прозападных элит, оторвавшихся от народа, живущих и мыслящих, как на Западе. Эта ситуация, говоря словами С. Хантингтона, делала Россию (так же, как Турцию и Мексику) разорванной страной. Эти восточно-западнические, азиатско-европейские противостояния гасли в российской провинции, хранившей сначала традиции старины, но быстро превратившейся в условиях индустриализации в массовые общества с потерянными традициями, но родовыми связями, контактами с деревней, стремлением к накоплению новых устойчивых форм жизни. Последние были особенно важны для определения пределов российской модернизации. До отмены крепостного права деревня изолировалась от участия в ней. Только раскрепощение крестьян и столыпинская реформа свидетельствовали о понимании невозможности модернизации в аграрно-сельской стране без реформ в деревне. Связанная с деревней городская провинция образует тот внутренний монолит, который трудно сдвигается и поддается реформам, тем более когда курс этих реформ рассчитан даже теоретически на большие города.

Вызов и ответ создают черты биполярности в развитии. Еще до того, как мир стал биполярным в глобальном масштабе, цивилизационный процесс имел локальные оппозиции. После того как сформировался современный Запад, качественно отличный от остального человечества, поляризация между ним и остальным миром стала источником многообразных социальных реакций на «главную революцию – вестернизацию» (Т. фон Лауэ). Среди этих реакций – Первая и Вторая мировые войны, коммунизм, сталинизм, маоизм, фашизм, антиколониальные движения и пр.

Посмотрим, как определяет понятия «вызов» и «ответ» А. Тойнби. Он говорит: «Общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов»²⁶. Иными словами, «можно сказать, что функция “внешнего фактора” заключается в том, чтобы превратить “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций»²⁷, который способен создать в стране внутренний импульс собственного развития. Первый вызов, который испытала Россия, – природный. Она не могла поставить в соответствие суровости природы интенсивное хозяйство и пошла по экстенсивному пути – расширению земель, единственно возможному для традиционных обществ. Российский ответ состоял в коллективизме и продвижении на Восток.

Дальнейшие вызовы последовали из Азии (Монголии) и с Запада (его форпостов – Польши и Швеции). Прежде всего Россия испытывала вызов Азии. Он был создан походом на Русь монгольского хана Батыя. «Этот случай еще раз доказывает, – пишет А. Тойнби, – что, чем сильнее вызов, тем оригинальнее и созидательнее ответ»²⁸. В чем же этот ответ состоял? Вот как описывает его маститый историк: «В России ответ представлял эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их... но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а

²⁶ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 108.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 140.

стойбища – в оседлые деревни»²⁹. Опираясь на достижения земледельческой цивилизации, ее более развитую материальную базу, Россия ответила на вызов Азии. Ее ответу способствовало и духовное состояние России, развитое Православием. Недостаток внимания завоевателей к идейной стороне дела, завоевание с целью собирания дани способствовало собственному развитию русской духовности и культуры даже и в условиях неволи.

Вызов со стороны Запада (в лице Польши и Швеции) Россия испытала в XVII веке: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе “вестернизации”, которую возглавил Петр Великий»³⁰. Само процветание Польши и Швеции Тойнби связывает с тем, что они были направленными против России форпостами Запада, но, когда Россия окрепла, они пришли в упадок вместе с этой функцией.

Один из ответов на западный вызов – вестернизация, другой, как отметили, – евразийство. По мнению А.С. Панарина, «перед лицом *западного вызова* России необходима идея евразийского устройства в двух планах – государственно-политическом и цивилизационном»³¹. Эти слова мы повторяем в других условиях, чем, когда они были сказаны, и когда такой ответ, как модернизация, стал официальной политикой, как бы плохо она ни осуществлялась. Кроме того, это происходит тогда, когда Россия, терпя неудачи в модернизации, начинает восприниматься Западом не как нынешний или будущий партнер, а как страна, которой недовольны все и к которой у всех есть претензии. Это напоминает ситуацию холодной войны, повторение которой было бы безумием.

Появление Запада как более развитого и сильно изменившего свой менталитет в результате модернизации оказало на мир огромное влияние. С его появлением история превратилась во всемирную. Она стала таковой не в смысле наличия какого-либо всемирного закона развития человечества (как это полагал, например, Гегель), а эмпирически. Мореплавание, а затем развитие транспорта, экономики связало мир. Именно Запад сделал это, показал миру новые возможности, воззвал мир к новому виду пафоса, включавшего в себя идею быстрого развития, самостояния, свободы.

Каждая страна обладала чем-то особенным, что отличало ее от других. Великие цивилизации противостояли варварству окружения, но слабо взаимодействовали между собой. Их существование было лишь до некоторой степени вызовом варварам в силу локальной замкнутости этих цивилизаций. Народы мира находились как бы в разных лодках, медленно плывущих в несогласованных направлениях. Они обладали чрезвычайными особенностями по отношению друг к другу, не дающими основания для сравнения, сопоставления, соперничества или восприятия другого как взывающего к каким-то переменам.

С появлением Запада их очевидные различия оказались в значительной мере стертными их общими отличиями от Запада. Запад настолько в корне отличался от других регионов мира, что стало возможным говорить о незападном мире. Западный мир был небольшим и чрезвычайно динамичным, полностью изменившим свою прежнюю, сходную с другими народами «средневековую природу». Незападный мир был огромен, многообразен, но един в своей незападности – в меньшей скорости своего развития, в недостижимости для него трех новых черт сознания: индивидуализма, свободы, веры в науку, нового психологического склада, включающего оптимизм, уверенность, полагание на собственные силы.

---

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 147–148.

³¹ *Панарин А.С.* Россия в Евразии: Политические вызовы и цивилизационные ответы// Вопросы философии. 1994. № 12.. С. 27.

С появлением Запада человечество оказывалось как бы в разных лодках, плывущих в одном направлении. Незападные страны не могли не ощутить своей отсталости, того, что направление движения задается Западом, одновременной привлекательности Запада и исходящей от него опасности для их традиционного существования. Вызов Запада предстал как вызов современности прошлому. Он был в идее прогресса, модернизации и утверждавшей в теории то, что уже начало осуществляться на практике, – общую линию развития по пути, предлагаемому лидирующим Западом.

Концепции прогресса, модернизации являются легитимизацией вызова Запада в условиях превращения истории человечества во всемирную.

Понятие прогресса предполагало непрерывное движение к высшим показателям (материальному, научному, гуманитарному), пример достижения которых давал Запад. Быстрое развитие было сутью западной модели существования. Горизонты прогресса не ограничивались уже достигнутым западными странами, а включали ближнюю и дальнюю перспективу будущего развития и в принципе безграничность западных и, как казалось, и человеческих возможностей. На видимые рубежи прогресса, нередко даже превосходя их, всегда выходила узкая группа стран. Другие страны что-то получали от плодов этого прогресса, но не являлись сами его активными носителями. Однако не участвовать в этом, не стремиться к прогрессу в своих странах они не могли. Это означало бы для них прогрессирующее отставание, вольную или невольную зависимость от более развитых государств, потерю динамизма, неизбежную деградацию. Чтобы избежать этого, «менее счастливые страны» уже с шестнадцатого века начали гонку за лидером. Разумеется, и без этой гонки им был присущ некоторый собственный темп развития, собственное движение в сторону улучшения их жизни, ее усложнения и порождения новых возможностей. Но теперь они хотели изменить свой естественный ритм развития, ускорить его, максимально приблизить к западному и в соответствии с заданным Западом направлением. Такая задача требовала переделки своей внутренней природы, традиций, существующих обычаев. Этот процесс национального ускорения, приближения к современному (modern) Западу стал именоваться модернизацией.

Важно отметить, что порыв к модернизации часто не был навязанным извне, а представлял как внутреннее стремление правящего слоя незападных стран преуспеть в развитии, избежать зависимости, конфликта с населением в будущем. Скажем, Петр I еще не был в том положении, когда России грозила судьба завтра деградировать, дезинтегрироваться, превратиться в колонию Польши или Швеции. Возможно, он мог бы сделать свое царствование похожим на сонное благоденствие своего отца – царя Алексея Михайловича Тишайшего. Но Петру хватило интуиции и видения общеевропейского процесса для того, чтобы понять: сегодняшнее отставание приведет к еще большему отставанию в будущем; это чревато зависимостью; история берет у опоздавших стать современными немислимые проценты.

Возможность некоторое время «жить по-старому» была у всех крупных государств, существовавших в одном пространстве с Западом, но уже в разном с ним времени. В Москве, Стамбуле, Дели, Пекине, Токио стали понимать, что старое историческое время уступает место новому, что жизнь в прошлых привычных представлениях, обычаях, традициях и условиях возможна лишь для тех, кто не испытывает тревоги в отношении исторического будущего.

Неизбежен вопрос: заставлял ли Запад броситься остальной мир вдогонку, ломая привычный ход событий, болезненно ускоряя прогресс и для этого круша традиции, попирая парадигму мышления наций? Во многих случаях заставлял, и делал это самым насильственным образом, когда, например, войска колонизаторов покоряли столицы инков и индусов. Но в других случаях – в Пекине, Стамбуле – мощь государств была еще достаточно сильной, чтобы не допустить прямого военного насилия. Однако эти страны сопротивлялись уменьшению своего веса в мире, и с появлением такого соперника, как Запад, они могли сделать это, только ускорив свое развитие.

Проводниками этого развития в своих странах стали элиты, понявшие опасность ситуации отрыва и желающие для своих стран возможностей, равных тем, которые имеются в западном мире. Их вдохновлял пафос справедливости – равного исторического шанса своим народам. Однако достижение такого шанса было слишком проблематичным, и поэтому на основе пафоса справедливости складывались преимущественно (в конечном итоге) антизападные настроения. Источником прозападной ориентации был овладевающий элитами пафос стремления к свободе, процветанию, открытости. Учение о пафосе берет свое начало в античности как учение о нематериальных побудительных причинах человеческой деятельности, о невидимых силах движения народов. Современные исследователи тоже не могут избежать этого термина. Мотивы модернизации могут быть различны – от желания преодолеть отсталость и развиваться в заданном Западом направлении до принуждения своего населения к свободе прозападными элитами или подчинения прямому давлению Запада. Однако элиты никогда не способны сделать перемены окончательными до тех пор, пока народ не проникнется пафосом перемен. Американский исследователь П. Рабинов отмечает, что существует различного рода пафос – освобождения, трагический, героический (или пафос вызова), а также миссионерский или дидактический пафос³². Первые три вида пафоса – составляющие той общей атмосферы, которую мы называем пафосом свободы. А.И. Уткин различает пафос красоты и пафос справедливости³³.

После падения Римской империи этот пафос красоты надолго исчез из Европы, вытесненный средневеково-христианским пафосом справедливости. Последний включал в себя миссионерский и дидактический пафос, преобладающая направленность которого была, однако, иной – утвердить принципы равенства перед Богом и справедливости хотя бы в потустороннем мире. Однако время вернуло пафос свободы. В некоторых странах, таких как Франция, свобода и эстетическое начало прямым образом организовывали жизнь – чувство меры, вкуса было вполне соизмеримо с моральной нормой, а вдохновляющий пафос преобразований создал французскую современность. Движение французского общества к современности упомянутый автор описывает как переход от средневековой моральности к социальности Нового времени, в особенности послереволюционной Франции, к некоторому погашению первоначально двигавшего обществом пафоса и умиротворению в осуществлении конкретных дел, переходе от морализма к социальности и благосостоянию³⁴.

По мере распространения общих принципов образования и средств массовой коммуникации, возможностей учиться и работать за границей сложились элиты, считающие невозможным для себя жить по-прежнему. Не желая отсталости своим народам, но и не видя быстрых путей для ее преодоления, они предпочли анклав западного развития в своих странах. Некоторые из учившихся или работавших на Западе не увидели перспектив для своих стран в предстоящей гонке и выдвинули идеологию изоляционизма или развития в условиях изоляции (например, работавший в Париже и вынесший из своего опыта антизападные настроения Хо Ши Мин). Но в целом поражает, насколько слабым, неорганизованным и даже беспомощным оказалось противостояние Западу. Удивление по этому поводу высказывает, например, Макс Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма», показывая, сколь легко западная идея овладела миром между пятнадцатым и двадцатым веками, сколь слабы оказались ксенофобы, сколь неэффективны их усилия.

От идеи, так же как от практики прогресса, много раз пытались отказаться, ибо слишком велика была их цена. За них платили жизнями, отказом от традиций, упрощенными схемами и насильственной практикой их достижения. И все же, выброшенная в дверь, эта идея

³² Rabinov P. French Modern. Norms and Forms of the Social Environment. Cambridge. Massachusetts. London, 1989. P. 14.

³³ См.: Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 273–277.

³⁴ Rabinov P. Op. cit. P. 104.

возвращалась в окно. Развитие, социальные изменения – относительно новые понятия – были в значительной степени эвфемизмами прогресса, в разной мере уточненными и разработанными, но продолжавшими выражать ту простую и плохо скрываемую мысль, что находящееся в разных лодках человечество плывет по пути, открытому и освоенному Западом. Те, у кого не хватало ума или мужества это понять, вольны были изображать в своей лодке какие-то попятные движения, организовывать анклав сопротивления, совершать самоубийства. Но они не могли изменить направление, не могли не участвовать в общем процессе движения, не могли не признать в Западе умелого кормчего. Они добивались, прежде всего, уважения Запада и вместе с тем страдали от того, что внутренне считали себя не заслуживающими его.

Как мы отмечали выше, находясь в одном пространстве мировой истории, западные и незападные общества оказались в разных временах.

Время Запада было Новым временем, отличным от средневекового, традиционного, – стремительным, идущим вперед, насыщенным событиями, постоянным обновлением. Время незападных обществ оставалось традиционным, таким, каким оно было прежде, – медленным, идущим вперед, но часто как бы возвращающимся назад, заикливающимся на повторении уже имеющегося опыта, на сохранении статус-кво. «Остальное» человечество, составляющее большинство населения Земли, жило по своим традиционным ритмам, ощущая Новое время только через западное влияние. Оно стало вынуждено жить как бы «двойной жизнью» – культивируя национальные ценности с ощущением их неуниверсальности и находя общую точку отсчета в позиции Запада и его ценностях как искомом будущем. Не Запад придумал называть свои ценности общечеловеческими, а до некоторых пор сложилась такая конфигурация сил мировой истории, при которой западные ценности становились все более притягательными для элит незападных стран и все более играли роль популистской легитимизации роли этих элит в своих обществах (обещания лучшего будущего, свободы, перспектив развития, образования, путешествий, работы за рубежом и пр.).

Но в конечном итоге появляется особый тип ответа – модернизация как стремление незападных обществ измениться в сторону приближения своей экономики, политики, культуры к западному миру.

Модернизация как переход от традиционного общества к современному и начало инновационного развития

Начиная анализ проблемы модернизации, мы осуществляем дальнейший теоретический шаг к раскрытию отношений западного и незападного миров. Поэтому здесь потребуются специальные термины. К их числу относятся понятия «традиционное общество» и «современное общество».

Если мы говорим о сегодняшнем дне, о настоящем, несомненно для всех, что любое общество, существующее в нем, с обычной точки зрения является современным. Даже если говорить о хронологическом периоде, именуемом историками Новым временем – понятием, этимологически близким понятию «современность» (как сегодняшнее, последнее, новое), нет сомнений в значимости обыденного словоупотребления «современное общество» и здесь: это – все общества, существующие на протяжении Нового времени. Одновременно можно сказать, что все общества до определенной степени традиционны в том отношении, что хранят традицию или наследуют ее даже тогда, когда хотят разрушить.

Однако неравномерность развития поставила под сомнение общеупотребительное значение этих слов: настоящее этих обществ похоже на прошлое других или, напротив, представляет собой искомое будущее для третьих. Неравномерность развития привела к тому, что терминам «традиционное» и «современное» общество придано научное значение. Эти термины очень важны, т. к. модернизация – это особая форма развития, сутью которой является переход из

традиционного времени в Новое, от традиционного общества к современному, от общества, претендующего на совершенство, к обществу, стремящемуся быть современным.

Неравномерность процесса развития привела к тому, что находящиеся как бы в разных временах незападные и западные общества стали именоваться так же, как (соответственно) традиционные и современные. Начало этой тенденции положил М. Вебер. Запад для него был уникальным явлением, тождественным современности.

В чем смысл перехода к этим новым терминам, почему недостаточно прежних понятий «Запад – не Запад»? Прежде всего это произошло потому, что хотя «Запад – не Запад» – сущностные понятия, связанные с наличием разного духа, они предполагают на первом плане прежде всего историко-географический аспект. Страны западного духа могут появиться и в других частях мира, например на Востоке. Стало принято говорить о Японии как о части Запада, но это – за неимением лучшего термина. С другой стороны, не все находящиеся на Западе страны являются западными. Германия расположена на географическом Западе, но западной страной она стала только в середине XX века после Второй мировой войны.

Таким образом, можно сказать, что в XIX веке современные общества и Запад – тождественные понятия. В XX веке современными стали называться в теории также общества, порывающие со своей традиционной идентичностью. Современное общество начало пониматься как особый тип цивилизации, первоначально возникший в Западной Европе и затем распространившийся в других регионах как система жизни, экономического, политического устройства, идеологии и культуры³⁵. В качестве таковых были признаны центры развития Юго-Восточной Азии. Концепция «распространения» модели западных обществ применима, пожалуй, только в отношении Германии. Ни Турция, ни Мексика, ни Россия, страны, продвинувшиеся к западному пониманию жизни, ни Испания, Греция, Португалия, приблизившиеся к западному образу жизни и принятые в ЕС, ни Китай, имеющий необычайное ускорение развития, ни Япония, достигшая и превзошедшая западные технические возможности, не стали Западом, хотя в той или иной мере стали современными. Желая избежать трудностей, связанных с употреблением терминов «Запад» и «современное общество», Э. Геллнер использует следующую периодизацию уровней развития: преаграрная стадия, аграрная и индустриальная фазы развития³⁶. Однако эта типология содержит те же проблемы: индустриальная Польша не похожа на индустриальную Америку, а аграрная Россия XII в. не имеет «ничего общего» с Англией того же периода³⁷, или, точнее, сходство между указанными странами в обоих случаях заметно лишь теоретически и ускользает от обычного наблюдателя. Кроме того, индустриальной фазой не завершается развитие техногенной цивилизации (термин В.С. Степина), и очевидно наличие в ней нового этапа – постиндустриального, информационного.

Ряд авторов полагает, что термин «современность» охватывает весь посттрадиционный порядок, основанный на рациональном знании, и включает все институты и поведенческие нормы послефеодальной Европы³⁸. Незападные общества по-своему тоже вступили в «современность» (Новое время), начали движение в сторону «современности». Понятие «современное общество» предполагало будущую нетождественность с понятием «Запад».

Смена терминов открывает перспективу углубления сущностных характеристик западных и незападных обществ, рассмотрения их отношений не только в сегодняшней перспективе, но учитывая будущее незападного мира. Изменение западного мира считалось в течение долгого времени идущим в заданном его прежним развитием направлении, т. е. не меняющим

---

³⁵ Eisenstadt S.N. Introduction: Historical Traditions, Modernisation and Development // Pattern of Modernity. Vol. 1. The West / Ed. by S.N. Eisenstadt. L., 1987. P. 5.

³⁶ Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. P. 114.

³⁷ Macfarlane A. Ernst Gellner and the Escape of Modernity // Transition to Modernity. Essays on Power, Wealth and Belief / Ed. by J.A.Hall. N.Y. Toronto; Cambridge, 1992. P. 121–136.

³⁸ Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Stanford. California, 1991. P. 14–15.

его сущности, хотя сегодня некоторые исследователи, например Э. Гидденс, ставят это под сомнение.

Эвристическое значение дополняющих понятия «Запад – не-Запад» понятий «традиционное» и «современное» общество было таковым, что на базе новых понятий стали строиться теории модернизации – перехода из традиционного общества в современное.

Вместе с тем, новые термины не могли вытеснить такие общеупотребительные понятия, как «западное» и «незападное» общества, или существовать отдельно от них. Старые термины наполняли новые понятия живым содержанием. В работах, где термины «традиционное» и «современное» общество вытеснили понятия «Запад – не Запад», возникала двусмысленность и неясность относительно конкретного содержания употребляемых терминов, хотя теоретически они были разъяснены.

Истолкование термина «современность» как тождественного Западу понятия не является единственным. В странах, сохранивших традиции в ходе модернизации, таких как Франция и Италия, некоторые исследователи справедливо недовольны дихотомическим описанием мировой истории и теоретическим разделением понятий «традиционное» и «современное» общество. Некоторые исследователи полагают, что современность – это не Запад, а отношения Запада с незападным миром, т. е. весь пестрый, реально существующий мир Нового времени, характеризующийся многообразием традиций и культур. Мы охотно согласимся с ними с того момента, когда незападный мир начинает быть способен к созданию собственных центров развития, как это случилось, например, сначала с Японией, а теперь со странами БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и когда сам Запад начинает меняться. Но до тех пор, пока есть страны, которые только отвечают Западу, но не предлагают своих вызовов, использование обыденного значения термина «современность» не дает увидеть неравномерность развития стран мира, отсталость одних из них, лидирующие позиции Запада и решающую роль его вызова (который может быть назван мировой революцией), а также причины модернизации.

Итак, мы полагаем понятия «традиционное» и «современное» общества эвристически ценными для анализа процесса модернизации и попытаемся теперь раскрыть их содержание.

Традиционные общества являются исторически первыми. Это – общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимизации активности прошлое, традиционный опыт.

Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей. Среди них: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной личности; преимущественная ориентация на метафизические, а не на инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т. е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; прединдустриальный характер; отсутствие массового образования; преобладание особого психического склада – недейственной личности (называемой в психологии человеком типа Б); ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; преобладание локального над универсальным. Многие исследователи полагают самым важным в традиционных обществах – отсутствие выделенной личности. Это, однако, следствие доминирования традиции, ибо социальный запрос на индивидуальность – это запрос на субъекта творческой деятельности, способного производить новое. Он возникает в современных обществах.

С нашей точки зрения, главной чертой среди отмеченных является доминирование традиции над инновацией.

Вторым по значению после преобладания традиции над инновацией признаком традиционного общества является наличие религиозного или мифологического оправдания традиции. Возможность быстрых преобразований блокируется этими формами сознания, и модернизаторские попытки, которые могут иметь место, не завершаются, возникает попятное движение.

Именно это – движение вперед и возврат назад – создает циклический характер развития, характерный для традиционных обществ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.